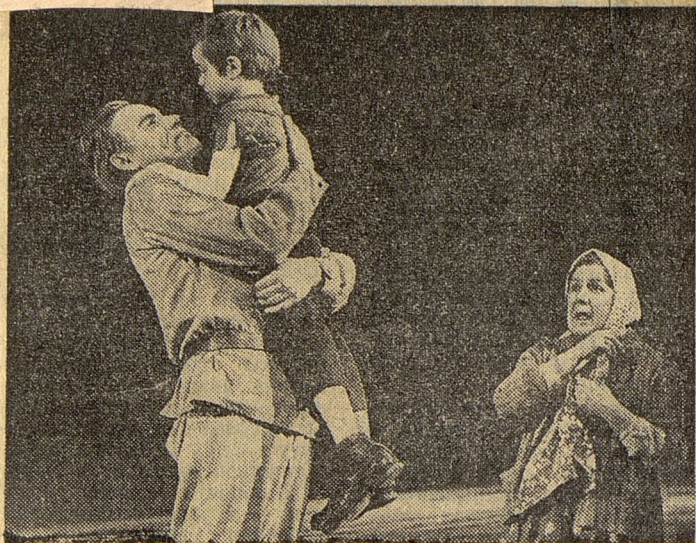

25 июля 1977

С неизменным успехом проходят спектакли Московского театра им. А. С. Пушкина, в которых занят народный артист РСФСР Афанасий Иванович Кочетков.

Многочисленным зрителям актер известен по кинематографу. В «послужном» списке его фильмы: «Над Тиссой», «Олеся Довбуш», «Заре навстречу», «Угрюм-река», «Сердце России», «Семья Ульяновых», «Невероятный Иегудейл Хлэмид» и многие другие — более тридцати фильмов.

На сцене театра им. А. С. Пушкина пермians встречались с А. Кочетковым в трех спектаклях: «Судьба человека», «Ночь без звезд», «Легенда о Паганини».

АКТЕРСКОЕ ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

В творческой лаборатории

временную историю (довольно многим драматургическим произведениям предпосланы именно такие наименования из арсенала газет) волею пушкинцев ворвалась эта романтическая мелодрама — «Ночь без звезд».

Театр пригласил нас быть свидетелями событий, случившихся в поселке на Крайнем Севере. Собственно, событий особых нет: после долгой разлуки встречаются моряк и его жена. Зато есть людские судьбы и характеры. И главный из них — капитан I ранга Егорьев — Кочетков.

В зрительском воображении литературой, кино, театром уже как бы подготовлен некий стереотип представителя той или иной профессии: геолога, летчика, моряка. Зритель-но мы можем представить и

чаемся с Никколо в счастливую пору его жизни, в период его молодости. Но и молодость Никколо окрашена больше потерями, нежели обретениями. У него отбирают любовь, веру близких людей и самое дорогое — скрипку. В роли Паганини — Кочетков.

Признаюсь, после Андрея Соколова и Егорьева — героев, созданных артистом, как характеры не просто современные, но и глубоко национальные, русские — встретиться с Кочетковым — Паганини лично для меня было некоторой неожиданностью. И поэтому на спектакле, на первых порах, главенствующим ощущением было любопытство. (Тут следует сказать, что сама пьеса достаточно уязвима, изобилует длиннотами, в иных местах ложно многозначительна, и

— Мне сделали отменный грим Паганини, — рассказывает Кочетков, — в специализированной театральной мастерской. Тут был и нос с горбинкой, имея который невольно приобретаешь и взгляд дьявольский... О портретном сходстве с великим итальянцем я уж и не говорю. Был похож. Ну, сыграл я в гриме что-то около трех спектаклей... и бросил. Мешает. Не в смысле чисто физических ощущений. Мешает по существу. Не нужен. Лишний. Я что, портрет играю? Нет. Человека. А кому нужно портретное сходство, пожалуйста, в картинную галерею...

Многих работ Кочеткова в театре и кино касалась наша беседа. Но как-то так само собой получалось, что она непременно возвращалась к любимейшей роли артиста — Андрею Соколову.

— В этой роли мне не было ничего неясного и непонятного. Боязнь была: смогу ли? А непонятного не было, — рассказывает актер.

У Любови Прокофьевны и Ивана Васильевича Кочетковых нас было семеро. Пять сыновей и две дочки. И семья наша — обыкновенная крестьянская семья — таких великое множество, обычаями своими, отношением к жизни, нравственным укладом уже сама по себе создавала то, что мы называем русским характером. Это я отвечаю зрителям, нередко спрашивающим, как актер работает над ролью и что ему помогает.

Помогает все: наблюдения, впечатления, встречи. Но, главное — память. Память на людей.

Андрей Соколов «составлен» из сотен людей, которых я знал и знаю. И из моего отца тоже. Мой отец — деревенским мельником был. С первых дней войны ушел на фронт. Сохранились его фронтовые письма. Когда их читал мальчишкой, досадовал даже: и чего это отец про атаку и бой мало пишет, а пишет матери: «Люба, не хватит муки — займи у соседа. Дружки мы с ним были. А рубашку мою Санька перешил».

Уже позже, взрослым, умом я понял, что, уходя на войну, он знал, какую битву предстоит нам выдерживать, и не исключал возможности своего невозвращения. И принимал это сурово и просто. Поэтому и в письмах своих отдавал такие житейские распоряжения, заботился о нас, которым предстояло жить.

Андрей Соколов «составлен» и из моей матери. В сорок втором я сам принес ей похоронку. Мать сидела на стуле, шила что-то. Да так с шитьем всю ночь и просидела. Будто она не спала. По ночам я просыпался от ее стонов. Стонала тихо, боялась нас разбудить... А после, не разгибаясь, работала. Потом на фронт ушел старший брат, потом сестра Нина. Соседи матери говорили: «Ты Нинку не отпускай. У вас и так полсемьи воюет». Мать не задерживала. Недавно навещил маму. Сидит у окошечка, читает «Анну Каренину». Раньше-то некогда было...

Андрей Соколов «составлен» и из врезавшихся на всю жизнь встреч с писателем Леонидом Леоновым (на нашей сцене шла его пьеса «Метель»), и актерам театра Пушкина посчастливилось видеться с ним), и с Василием Макаровичем Шукшиным, и с актрисой Верой Пашенной, и с актерами Жаковым и Крючковым, и моими одноклассниками из Щепкинского театрального училища, геологами — коллегами по моей первой профессии. Да мало ли было встреч, оставшихся в сердце...

Уже будучи в Перми, на гастролях, Афанасий Иванович Кочетков выезжал в Белоруссию и Латвию на съемки нового фильма «Берега». Сбывается давнее желание актера встретиться на экране с литературой Шукшина, а значит, снова с характерами и человеческими судьбами.

И. ФУКАЛОВА.

На снимках: народный артист РСФСР А. И. КОЧЕТКОВ в спектаклях «Судьба человека» и «Легенда о Паганини».

Фото А. Долматова, А. Зернина.

«спасать» ее актерам чрезвычайно трудно. К слову, актерский ансамбль оказался на высоте).

Итак, Кочетков — Паганини. Передо мной снимки, сделанные нашим фотокорреспондентом во время спектакля. Я смотрю на них и воскрешаю в памяти «лики» Паганини.

Вот лицо, озаренное надеждой и счастьем в сцене встречи с любимой, очень молодое лицо (как светятся глаза!), а вот лицо — «защитная маска»: высокомерно сжатые губы разомкнулись только для насмешки, а вот Кочетков в сцене с каноником Винченцо, лицемером и фарисеем, на лице Паганини застыло презрение, отчаяние, немая мольба о пощаде (душевные силы небеснопределены)... и какие маленькие, потухшие глаза!

В этой роли актер много внимания уделяет пластическому рисунку образа. Его Паганини легок, порывист, изыскан. У него удивительно «говорящие» руки. Руки скрипача-виртуоза. Но все это не самоцель. Мы снова встречаемся с характером и судьбой.

командира подводного корабля Егорьева. Кочетков не задается целью разрушить наши представления какими-то особыми открытиями. У его героя суровое лицо, негромкий, но твердый голос. Немного сложен. Да, командир корабля по внешнему рисунку может быть и таким, может быть и иным. Но о чем сразу заявляет артист, и тут уже не позволяет отсутствий, так это в отношении к своему герою. Он его любит и хочет, чтоб его полюбили мы. Он сразу дает почувствовать, что сильная натура Егорьева мобилизована целиком. Одинокое целомудрие, на нелегкое дело подводника, на поступок, если понадобится, — на подвиг, на любовь. Кочетков играет не профессию — характер. Цельный, волевой, надежный.

— Вы знаете, у меня на предмет Егорьева есть несогласные, оппоненты, так сказать, — рассказывает А. Кочетков. — Меня упрекают, что я несколько «ужесточил» своего героя, его бы помягче, пораслабленнее сделать, ведь все же он на берегу уже, и любимая рядом... А вы видели подводников после всплытия? Я видел. И не раз. И на Дальнем Востоке, и еще где-то... Ох, и не герои они выходят на берег. Лицом — не герои. Герои — по сути. А вот как эту суть сыграть?

Манера собеседования вопроса характера для Афанасия Ивановича.

Идет постоянная проверка своей актерской и гражданской позиции. Если даже в главном все ясно.

История культуры прошлых веков знает немало драматических судеб служителей искусства. Один из них — Никколо Паганини.

Личность выдающегося итальянского скрипача и композитора еще при жизни была окружена фантастическими легендами; за новаторство в искусстве концертирования, сочувствие революционному движению карбонариев, антиклерикальные высказывания католическое духовенство преследовало Паганини, обвинив в связях с демоническими силами. Даже после смерти великого скрипача папская курия не дала разрешения на его погребение в Италии.

В спектакле пушкинцев «Легенда о Паганини» мы встре-

то затрудняюсь оперировать принятой в рецензиях фразеологией, останавливаясь на жесте и мимике, раскладывая на составные «проживания» исполнителем того или иного эпизода. Только хочу свидетельствовать, что Соколов Кочеткова сработал на пределе актерской добросовестности и ответственности, вставившей в себя и раздумья над жизнью, и мировосприятие артиста. Поэтому хрестоматийный Андрей Соколов (такой же хрестоматийный и знакомый, как Павел Корчагин и молодоговардейцы) воспринимается каждым зрителем очень лично, как может восприниматься судьба человека и судьба народа.

АФАНАСИЙ Иванович Кочетков, несомненно, относится к категории актеров, обладающих «лицом» необщим выражением. И речь здесь, отнюдь, не о своеобразии внешнего облика.

«Лица необщим выражением» — это своя тема в искусстве, ей свойствен пафос и утверждение, нравственный максимализм и поиски смысла жизни. Кочетков всегда играет характер. Даже самый «проходной» персонаж у него в чем-то личность.

Я не буду касаться работ артиста в пьесах, которых не видел пермский зритель: «Метель» А. Леонова, «Поднятая целина» по М. Шолохову, «Столпы общества» Ибсена, «Разорванный рубль» С. Антонова, «Протокол одного заседания» А. Гельмана и др.

Обратимся к спектаклю по пьесе А. Штейна «Ночь без звезд» (несколько дней назад он транслировался по телевидению, и его могли видеть сотни тысяч зрителей).

В репертуарную строгость последних театральных сезонов, уже приучивших зрителей смотреть на иную пьесу либо как на репортаж, хронику, со-

ЕСТЬ в нашей советской литературе произведения, гражданский и воспитательный потенциал которых не исчезает с годами и временем. К ним снова и снова возвращается мысль художников театра и кино. Достаточно напомнить только недавнее: экранизации книги Н. Островского «Как закалялась сталь», театральный вариант «Молодой гвардии» А. Фадеева, «Судьбу человека» М. Шолохова, к которой обратились пушкинцы. Спектакль поставлен народным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии СССР Борисом Томазовым, увидевшем в талантливой литературе Шолохова прекрасную возможность средствами театра снова привлечь взгляд современников к одной из великих страниц нашей истории. Роль Андрея Соколова в «Судьбе...» играет Афанасий Кочетков.

Давно замечено, что наибольший успех приходит к актеру, когда будто сливаются в одной точке творческая и жизненная биография, мироощущение героя и мир устремления артиста.

Эта точка — роль. Получить роль, которая сразу будит в актере мир его наблюдений и впечатлений, воспоминаний детства и юности, — счастье.

И вот, думается, что к роли Андрея Соколова артист шел всю свою творческую жизнь. Шел через другие роли, малые и большие, шел, как к постижению русского национально-го характера. Его Соколов прост и величав.

В этом сценическом рассказе о войне нет массовых батальных сцен, которые, наверняка, очень бы облегчили задачу Кочеткова. Но путь полечит в таком суровом повествовании о человеческой судьбе и судьбе народной вряд ли удовлетворит бы и самого исполнителя.

Здесь я должна сделать признание, что, воскрешая в памяти игру А. Кочеткова, почему-